

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ЛАЗАРЕВ (1788–1851) — участник трёх кругосветных плаваний, адмирал, организатор строительства военно-морского флота на Черном море в 30–40-е годы XIX века

Кругосветные плавания русских военных моряков внесли неоценимый вклад в становление отечественной науки и сыграли выдающуюся роль в её развитии. Они начались в сложный период наполеоновских войн в правление императора Александра I, военная доктрина которого провозгласила выравнивание уровней состояния российского флота с флотами ведущих европейских держав¹. Однако в силу различных обстоятельств осуществлять реализацию этой программы было довольно сложно.

В то время кругосветные плавания были довольно редки, но, несмотря на их продолжительность, огромные трудности и изрядную долю риска, попасть в такое путешествие всё же желали многие, для этого приводились в движение родственные связи, протекции, рекомендательные письма и т.д.

Девятого октября 1813 г. из Кронштадта на остров Ситку (Северная Америка) вышел корабль «Суворов» с основным грузом — 50 пудов пороха для Российско-Американской компании. Командиром корабля был назначен 25-летний лейтенант М.П. Лазарев, что свидетельствовало об оказании ему большого доверия. В научном отношении эта экспедиция явилась событием первостепенного значения: был осуществлен переход через Северное море, Атлантический и Тихий океаны с заходом в Портсмут, Рио-де-Жанейро и порт Джексон (Сидней, Австралия).

Вместе с тем не менее важной для России стала последующая деятельность адмирала Лазарева именно как преобразователя во флоте, организатора и строителя военно-морского флота на одном из сложнейших государственных морских рубежей — Черном море. В феврале 1832 г. Михаил Петрович был назначен начальником штаба Черноморского флота. К этому времени у него уже был опыт участия в Наваринском сражении 8 (20) октября 1827 г. в качестве командира корабля «Азов», а командующий объединенной

англо-французской эскадрой Эдвард Кодрингтон (ученик знаменитого адмирала Г. Нельсона) назвал Лазарева «первым моряком нашего времени»². Многие тогда считали, что столь высокий отзыв лорда о Лазареве побудил правительство обратить на этого офицера особое внимание. Англичане наградили его высшим орденом Бани, французы — орденом Святого Людовика.

После Наварина произошло резкое ухудшение отношений России с западными державами. Успехи русского оружия на суше и на море встревожили Англию и Францию, к тому же периодическое столкновение экономических интересов России и Англии в странах Средиземноморского бассейна резко обострило ситуацию и ускорило разрыв. После очередной Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., закончившейся выгодным для России Адрианопольским мирным договором, Лондон и Париж не могли допустить дальнейшего усиления позиций России на Черном море, в частности благоприятного режима стратегически важных проливов Босфора и Дарданелл.

Для Михаила Петровича эти напряженные послевоенные годы ознаменовались еще одним событием: в 1833 г. по Высочайшему повелению императора Николая I эскадра под его командованием была направлена в Босфор для оказания помощи турецкому султану Махмуду в борьбе с восставшим вице-королём Египта Мехметом-Али. При этом преследовалась цель продемонстрировать военно-морские возможности России³. В память пребывания русской эскадры в Босфоре и за оказанную военную помощь султан собственноручно наградил Лазарева золотой медалью, осыпанную алмазами «для ношения в петлице» и украшенным бриллиантами портретом самого султана «для ношения в его присутствии»⁴. Вскоре влияние Петербурга на Константинополь резко возросло, наступила, к сожалению досадно короткая, положительная фаза в отношениях между Россией и Турцией. Как и следовало ожидать, такой исход не устраивал в первую очередь Англию. Дипломаты Лондона поставили цель не допустить усиления позиций России в делах Средиземноморья.

Внешнеполитическая обстановка начала осложняться. Турция совершала военные провокации в устье Дуная, ан-

глийские эмиссары проникали на восточное побережье Кавказа, вели среди абхазских горцев антирусскую пропаганду, осуществляли контрабандные поставки оружия, пороха и даже лёгкой артиллерии. Английский агент в одном из донесений писал: «Земля эта изобилует металлами. В различных частях гор мы находили свинцовую и серебряную руду. Нам сказывали также, что в горах есть золотые рудокопии, в которые мы, однако же, не проникали. Черкесы полагают, что вдоль берега существует каменный уголь и, судя по виду горных пород, нельзя усомниться в справедливости сего предположения <...>»⁵. Фактически на Черном море велась малая война, и задачи флота сводились к обороне российских фортов и крепостей, а также постоянным крейсерствам у Босфора и восточных берегов Кавказа.

Тридцать первого декабря 1834 г. Михаил Петрович был назначен Главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя. Флот ему достался далеко не в лучшем состоянии. По свидетельству современников, «<...> Черноморский флот у главного морского начальства был пасынком, а Балтийский — любимым сынком. Часто ненадёжные офицеры переводились из Петербурга в Крым в виде наказания. Уровень образования и нравственности между офицерами был невысок; пьянство было обыкновенным явлением, злоупотребления по хозяйственному управлению вошли в половицу <...>»⁶.

Восемнадцать лет Лазарев стоял во главе Черноморского флота, развернув, по его словам, «непомерную деятельность». За это время в главных адмиралтействах — Николаевском и Севастопольском — было построено 17 линейных кораблей, 10 фрегатов, 11 бригов, 6 пароходофрегат, 28 пароходов, более 30 малых судов. Что очень важно, все корабли проектировали и строили талантливые русские корабельные инженеры — В. Апостоли, А. Акимов, С.И. Чернявский. Трёхдечные линейные корабли 120-пушечного ранга, строительство которых до Лазарева на Черном море не осуществлялось — «Три Святителя» (1838 г.), «Двенадцать Апостолов» (1841 г.), «Париж» (1849 г.) и «Великий князь Константин» (1852 г.), — несмотря на большие размеры (вместе с мачтами и стеньгами имели высоту

примерно с современным 20-этажным дом и 5 000 т водоизмещения), достигали 10-узловой скорости. Мощное артиллерийское вооружение новейших образцов ставило эти корабли на один уровень со своими английскими и французскими аналогами. Надо особо подчеркнуть, что эти гиганты являлись настоящими шедеврами корабельной архитектуры, парусного деревянного кораблестроения.

Уместно отметить, что сын близкого друга Лазарева Иван Шестаков в своих воспоминаниях «Полвека обыкновенной жизни» о событиях 1845 г. — смотре Николаем I Черноморского флота — лаконично записал: «<...> Не было похвалам только что осмотренному Черноморскому флоту. Николай Павлович, видимо, хотел сразу пленить наши служебные сердца и сказал <...>, что ему такой флот и во сне не снился <...>».

Действительно, при Лазареве добились многого. Но за эти успехи он платил самую высокую цену. Не считая огромных потерь нервных и физических сил, ему часто приходилось бывать и настойчивым просителем, и чрезмерно жёстким, требовательным начальником, что в конце концов сказалось на его здоровье... Многие офицеры не выдерживали длительного крейсерства, тяжелых учений и жесткой дисциплины, и искали различные способы, чтобы получить перевод на Балтику, где служба считалась легче и престижнее из-за близости двора. Находились и такие люди, которые ввиду особого расположения императора к Лазареву пытались найти различные поводы для критики адмирала, но за неимением таковых смогли обвинить его лишь в одном: Лазарев образовал вокруг себя приближённую «камари́ллу». Но из кого состояла такая камари́лья? Это были его ученики, единомышленники, некоторые из которых стали героями Крымской войны — П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомина, Н.Ф. Метлин (впоследствии Морской министр и член Государственного Совета), А.И. Панфилов (впоследствии адмирал и член Адмиралтейств-Совета).

Один из современников Михаила Петровича вспоминал: «<...> Адмирал Лазарев сумел обставить завидными условиями службу на Черном море и этим привлёк туда цвет нашей морской молодежи. Лазарев не жалел ничего, чтобы лучше обставить жизнь наших моряков, оторванных от

своих семей и заброшенных в глушь Кавказских берегов, где большую часть года они несли трудную крейсерскую службу. Сам адмирал следил за каждым офицером. Богатейшая библиотека, роскошное офицерское собрание, общий офицерский стол были к услугам офицеров и способствовали их сплочению <...>» .

Безусловно, основным делом жизни Михаила Петровича в качестве Главного командира было строительство Черноморского флота. Сюда входил целый комплекс мероприятий по укреплению Севастополя как главной военно-морской базы флота, строительство береговых укреплений, эллингов, сухих доков, так необходимых для ремонта кораблей, особенно в зимнее время года. При нём было начато обширное строительство Севастопольского адмиралтейства, в Николаеве — литейного и канатного заводов, кузницы, артиллерийской, шлюпочной и мачтовой мастерских. Главные усовершенствования и нововведения произошли в кораблестроении. Особую роль в формировании убеждений М.П. Лазарева сыграла его пятилетняя служба мичманом в английском флоте, в результате чего он стал прочным приверженцем английской кораблестроительной школы⁹. Живое интересуясь всеми новейшими достижениями англичан по кораблестроительной части, он незамедлительно внедрял их в российское судостроение. Наиболее способные русские корабельные инженеры посылались на обучение в Англию на лучшие верфи — в Портсмут, Вульвич, Плимут. И тогда тоже сыпались обвинения в его адрес — на этот раз в отчаянном англофильстве, на что он отвечал примерно так: да, но с огромной пользой для флота Российского. Михаил Петрович ратовал за строительство отечественной судостроительной базы, чтобы не заказывать корабли и особенно пароходы в Англии. Но это было возможно только при наличии стабильного финансирования правительством Морского ведомства в его нормальном бюджете, что, в сущности, было невыполнимо при хронической нехватке казенных средств.

При Лазареве флот стал образцовым, был доведен до комплектности, имел новейшие корабли с мощным артиллерийским вооружением — бомбическими пушками, которые сыграли решающую роль в уничтожении турецкой эскадры в Синопском бою 18 ноября 1853 г.

В заключение следует сказать, что до начала Крымской кампании на Черном море был создан флот, по боевым качествам не уступавший лучшим флотам Европы, и в этом была заслуга адмирала М.П. Лазарева. Он был почетным членом Морского ученого комитета, Казанского университета, Императорского Географического общества. Когда он, будучи в чужой стране, умирающий, измученный болезнью, подписывал свои последние распоряжения, а неотлучно находившийся при нем Истомин пытался незаметно среди вороха бумаг подsunуть ему прошение об обеспечении семьи Михаила Петровича, тот, рассмотрев бумагу, отказался ее подписать, разорвал и строго сказал, что для себя он никогда ничего не просил и всё, что ему положено, — это жалование за два месяца — ровно столько, сколько оставалось жить...

Адмирал М.П. Лазарев умер 11 апреля 1851 г. в Вене. Девятнадцатого марта 1866 г. император Александр II осмотрел грандиозный монумент, изготовленный профессором скульптуры Императорской академии художеств П.С. Пименовым и его учеником Подорезовым. Это был памятник адмиралу М.П. Лазареву высотой 6 м 40 см весом 450 пудов. Его установили в Севастополе на холме перед морскими казармами, и взгляд адмирала устремился вдаль, к своим кораблям. Памятник был разрушен во время Великой Отечественной войны. Погиб также и созданный адмиралом вместе с лучшими российскими кораблестроителями Черноморский флот: в ходе Крымской (Восточной) войны в 1854–1855 гг. корабли были затоплены на Севастопольском рейде для преграждения входа в главную бухту втрое превосходящим силам англо-французского флота.

1. РГАВМФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1.
2. Русский Архив. М., 1883. Кн. 3. С. 262.
3. РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2725.
4. Общий морской список. СПб., 1893. Ч. 7.
5. РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 4. Л. 39.
6. Русский Архив... С. 382–383.
7. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. РНБОР. Ф. 856. Д. 1.
8. Исторический вестник. СПб., 1900. № 3.
9. РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4975, 5680.